

Подлежит возврату во
II часть ОС ЦК ВКП(б).

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

РАССЕКРЕЧЕНО
СТРАШНО.

ВСЕСОЮЗНАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ (большевиков).
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ.

№ ПЗ621

26.1У.37г.,

ЧЛЕНАМ И КАНДИДАТАМ ПОЛИТБЮРО: т. т. Андрееву, Ворошилову,
Мданову, Кагановичу, Калинин, Косиору Ст., Микояну, Молотову,
Петровскому, Постышеву, Рудзутак, Сталину, Чубарю, Эйхе.

Тов. Ежову.

По поручению тов. Сталина посылается Вам для сведения
письмо секретаря Сталинградского обкома т. Семенова от 24.1У-
1937 года.

ПРИЛОЖЕНИЕ: Экз. № _____ на 6 листах.

ЗАВ. ОС ЦК

26 IV 1937
30 экз. (подпись)

Мухоморов
С. Сенинова
ЦК ВКП(б) тов. СТАЛИНУ И.В.

11
3

Мухоморов

В связи с арестом группы работников, оказавшихся троцкистами и работавших при мне в Крыму, а часть из них приехала со мной в Сталинградскую область - откуда с запозданием была откомандирована обратно в распоряжение Крымского обкома, - считаю необходимым об"яснить ЦК ВКП(б), как это получилось, откуда они попали ко мне, мое отношение к ним, какие были сигналы.

1. Малонов (б. редактор "Кр. Крыма" и "Сталинградской Правды").

Я искал себе помощника, грамотного человека. В конце 1927 г., при моем направлении на работу в Днепропетровск, мне его рекомендовал Икс-Самойлов, как грамотного, честного и надежного работника. Я взял его. Он пользовался моим доверием, работая около 8 лет помощником, последние 2 года на редакционной работе. Впоследствии, несколько раз при встречах со мной, Икс-Самойлов интересовался моим мнением о работе Мадонова и говорил: "вот видишь, какого я тебе хорошего парня рекомендовал". Было одно заявление на Мадонова о его соц. происхождении (чужой среды - сын торговца), но так как он нигде не скрывал и это было известно, то я считал вопрос исчерпанным. Ко мне он подхалимничал, я ему, повторяю, много доверял. Других сигналов не было.

2. Ольховой - впервые его встретил в Луганске в 1925 г., где он был агитпропом Округкома партии до меня. В Крым я его пригласил в 1934 г., имея ввиду укрепить отдел обкома.

С полгода велись мною переговоры с Птухой - секретарем Н.Волжск.края, с большим трудом я его получил. В Крыму Ольховой себя сразу зарекомендовал усидчивой работой, постановкой ряда вопросов о татарском языке, об искажениях в переводе Интернационала на татарский язык и т.п., тем самым он сумел втереться в доверие. Это хитрый, замаскированный враг. Им также был поднят вопрос о Гавене, как двурушнике-троцкисте-предателе, примерно, месяца за 3 до опубликования в печати обвинительного заключения по делу троцкистского центра, где Гавен проходит как курьер Троцкого. О Гавене была послана записка в ЦК партии. Теперь, в свете последних дел, ясно, что это была тактика - заслужить еще большее доверие. В день смерти т.Кирова он делал доклад на траурном собрании о жизни и деятельности т.Кирова, в одном месте даже заплакал. Так этот враг маскировался. Можно ли было его разоблачить раньше? Да, можно было: в 1921 г. он стоял на троцкистских позициях по вопросу о профсоюзах (хотя в личном деле не скрывал). Второй случай: был исключен в Крыму Санаев - прокурор-троцкист. Лордкипанидзе, н-к НКВД мне показывал одно место из показаний Санаева, где говорится: "что не то редактор газеты - Ольховой, не то его заместитель участвовали в 1930-32 г. в проводах на вокзал Смирнова И.Н.". Мы тогда посоветовались с тов.Лордкипанидзе и решили, что возможно случайность, не придали сразу должного значения этому делу. Ольховой был тогда вне подозрений. Это была моя ошибка.

9
5

3. Фомин (б.секр.Симфероп.ГПК). Помню, по работе в Днепропетровске в 1929-30г., вошел в доверие. Я его продвигал, когда я переезжал - он тоже. Подхалим был большой. Были ли сигналы о нем? Были. Жуканов - член партии - обвинял его в покровительстве троцкисту Каплуну. Но в этом сигнале, говоря о Фомине, он, одновременно, взял под подозрение Днепропетровскую парторганизацию. Это я считал неправильным. Сигналу о Фомине я не придавал должного значения. Сейчас ясно, что я и здесь допустил ошибку.

4. Лейкин (б.ОРПО) был помощником у т.Иванова, б.зам. Председателя ЦКК Украины. Мне о нем дал хорошую характеристику т.Иванов и я его пригласил работать в Крым. Ничего подозрительного он у меня не вызывал. Сигналов о нем я не получал.

5. Гельбух (б.помощник мой) днепропетровец, в 1929-30г. был кем-то рекомендован мне. О его социальном положении я узнал в Крыму. Было одно заявление по этому вопросу, но учитывая, что социального положения он не скрывал, считал вопрос ясным. Перед поездкой в Сталинградскую область Гельбух мне заявил, что его брата исключили из партии за социальное происхождение, но что он ставит вопрос в Партийной Комиссии и будет восстановлен. Это же самое повторил мне работник НКВД - Москва - Брагилевский, бывший у меня с сообщением об обследовании совхоза "Красный" и как будто невзначай дал мне дестную характеристику об обоих Гельбухах. Все-же это у меня вызвало сомнение и во время Пленума ЦК ВКП(б) я просил т.Кудрявцева, секретаря Киевского обкома выслать мне

справку о брате Гельбуха. Вторично я дал телеграмму Кудрявцеву из Сталинграда с просьбой ускорить ответ. Не дождав- шись ответа, освободил от работы, правда с опозданием.

6. Беднов (бывший днепропетровец). Приехал в Крым из Одессы, где работал в Горкоме партии завормом, после редакто- ром газеты "Черноморская Коммуна". Было заявление на него, что в бытность на редакторской работе в Одессе он допустил засоренность аппарата и зажим критики. Я поручил расследова- ние ОРПО - Лейкину. Мне ОРПО - Лейкин представил заключе- ние на основании документов, что обвинения неосновательны, дело ясно - факты не подтверждаются. Обязал ответить жалобщикам. Все же впоследствии он у меня стал вызывать сомнения и я просил два раза т. Вегера выслать мне о нем все материалы. Ответа не получил.

7. Левитин, работал до меня в Днепропетровске, секрета- рем Амурского РПК. Считал я его хорошим работником. Таскал за собой. Он пользовался у меня доверием, подхалим был боль- шой. Было одно заявление на него со стороны директора дома отдыха Алушта, что он Левитин - троцкист. Расследовали. Сам заявитель прислал заявление, где говорит, что он допустил ошибку, так как спутал этого Левитина с неким Левитаном из Харькова - вопрос был исчерпан. Других сигналов я не имел. Теперь мне ясно, что эта группа была тесно спаяна.

Почему я не разглядел этих "волков в овечьей шкуре", оказывал им полное доверие, проявил политическую беспечность, благодушие. Это результаты того, что я лично не вникал, не занимался партийной работой, не придавал значения городской парторганизации, от случая к случаю, когда надо было делать доклад или послать отчет в ЦК, я просматривал материалы

партработы, пользуясь нередко услугами этих врагов. По существу в дело не вникал. Все свое внимание уделял хозяйственной работе, главным образом, сельскому хозяйству, где сильно увлекался, так как почти все время был в раз"ездах по колхозам.

Передоверил городские парторганизации второстепенным людям и даже врагам. Я видел тогда "начало и конец всего в хозяйственных успехах", что было моей глубочайшей политической ошибкой. Вот почему я проглядел врагов, оказался шляпой. И если во время Пленума ЦК ВКП(б) мне казалось, что у меня (т.е. в Крыму) благополучнее, чем у других, то сейчас ясно, что я ошибся, положение нехорошее. Тяжелая наука. Подвел ЦК партии, партийную организацию и себя. Сейчас, сознавая это, я должен полностью извлечь уроки из решения ЦК и Вашего доклада, т. Сталин, и на конкретной работе в Сталинградской области, надеюсь, что больше в "шляпах" ходить не буду.

Должен сказать, т. Сталин, что я крепко, всем своим нутром прочувствовал, что значит "свои" кадры, сам себе закажу впредь и другим закажу к этому не прибегать.

СЕКРЕТАРЬ СТАЛИНГРАДСКОГО ОБКОМА

СЕМЕНОВ Б.

24 апреля 1937 года.